

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
М 63

Медина Мирай
ВОСКРЕСНИ ЗА 40 ДНЕЙ

С иллюстрациями *Медины Мирай*

Мирай, Медина.

М63 Воскресни за 40 дней: [роман] / Медина Мирай. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 256 с.

ISBN 978-5-17-115386-1

Медина Мирай – автор интернет-бестселлеров «Воскресни за 40 дней», «Синтонимы» и «Школония», завоевавших любовь тысяч читателей. Роман «Воскресни за 40 дней», выпущенный интернет-издательством Ridero, вошел в топ-30 популярных книг на Ridero из 100 000 других. Кроме того, он не раз становился бестселлером ЛитРес и даже попал в список бестселлеров OZON.ru по версии Ridero. На самиздат-платформе Wattpad у книги более 500 000 прочтений. Медина Мирай ведет свою группу во ВКонтакте, насчитывающую 11 000 человек.

Еще вчера он ходил в школу, читал книги и ссорился с мамой из-за мелочей. Сегодня его нет. Одна ошибка, один необдуманный шаг стоили ему всего. Чтобы вернуться к жизни, ему нужно найти и спасти единственного в мире человека, который увидит его, услышит и сможет прикоснуться. Семь миллиардов человек, сорок дней и одна несбыточная мечта – снова жить.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-115386-1

© Медина Мирай, текст, 2017
© Медина Мирай, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Когда летишь с моста, понимаешь, что
все твои проблемы решаемы. Кроме
одной. Ты уже летишь с моста.*

Выживший самоубийца

— Ты думал удивить меня этим? — презрительно спрашивал он, сжимая в руках мою открытку. Я делал ее со всей любовью, вложил в нее частичку себя, а теперь эту частичку растоптали, просто уничтожили. Вместе со мной.

Парни вокруг злорадно захохотали. Они показывали на меня пальцами, словно я был с ног до головы облит грязью.

Мне было больно смотреть на него. На его светлом лице растянулась ухмылка, от которой в горле встал ком, а его ни с чем не сравнимые голубые глаза были полны презрения.

И на что я надеялся? Будь на моем месте милая симпатичная девушка, на его лице была бы благодарная улыбка, а не злобная усмешка. Но перед ним сидел на земле низкорослый парень с растрепанными каштановыми волосами. Этот неудачник был больше похож на дошкольника. Он уродлив для себя, одноклассников и всех окружающих. Несмотря на все старания, он всегда выделялся на фоне других туповатостью, непониманием

Воскресни за 40 дней

школьных предметов и неуклюжестью. Сверстников раздражало в нем все, начиная от школьной формы, которую в классе больше никто не носил, и заканчивая поступками.

И этим неудачником был именно я, четырнадцатилетний паренек по имени Даан.

— А давайте выльем на него голубую краску? — предложил один из недалеких громил. Один его неряшливый вид вызывал тошноту. У него были ужасная внешность и скверный характер. Казалось, запах перегара и чипсов достался ему с рождения — это зловоние следовало за ним повсюду.

— Нет, для него это будет слишком просто, — отозвался пацан в зеленой кепке, известный в школе как «красавчик». Он действительно был привлекательным. Мне нравились его волосы, зачесанные назад, одежда от известных нидерландских модельеров. Но характером он напоминал типичного бабника из дешевого сериала. Его звали Джесси.

— Предлагаю рассказать об этом всему классу... Да что уж там — школе.

Я стоял, не поднимая глаз. Лишь изредка посматривал на выпирающие костяшки кулаков.

Я не смел взглянуть на *него*, не смел больше думать о любви к *нему*, пусть и чувствовал, что она все еще жива во мне. Будучи униженным другими, я унижал себя еще сильнее.

Медина Мирай

Как же глупо было решиться на этот поступок! На что я надеялся, если даже ни разу не говорил с ним? Как вообще мог подумать, что люблю его?

Каждый раз, когда я видел его в окружении кокетливых девушек, меня сжирала ревность. В моменты, когда очередная подружка протягивала ему новую сигарету, мне хотелось вырвать ее из рук и растоптать.

Я осознавал, что болен им. Болен настолько, что даже имя старался не произносить, потому что в такие моменты все мое тело деревенело. Алексис...

В груди защемило от обиды. Стыд, казалось, материализовался, придавил к земле, повис грузом на шее. Я не мог поднять полные слез глаза. Хотелось зарыдать, но каждый раз приходилось останавливать себя огромным усилием воли. Несколько слезинок дали себе волю и разбились о сжатые кулаки. Я захныкал. Прикрыл лицо руками, скрывая свое и без того уродливое лицо, которое теперь казалось в разы уродливее из-за прилившей к мокрым щекам крови.

— Смотрите, он плачет! — закричал кто-то, и вслед за ним все начали громко смеяться.

Это добило меня окончательно. В оглушительном хохоте я не различил лишь его голоса. Меня распирало желание взглянуть на него, но страх увидеть искажившиеся в смехе лица кучки балбесов не давал этого сделать.

Что-то упало прямо передо мной. Я разжал пальцы. Возле меня лежал смятый комок из плотной бумаги цвета хаки.

— Мне это не нужно, — холодно произнес Алексис.

Воскресни за 40 дней

Слова подействовали как электрошок. Я позабыл о том, как уродливо выгляжу, и убрал руки от лица.

В его глазах невозможно было что-то прочесть. Они были безжизненно пустыми, ничего не выражающими, будто перед ним не человек, а какой-то бесполезный предмет. Или вещь. Никогда не замечал, чтобы он проявлял ко мне хоть какие-то человеческие чувства.

Я убежал. Бегство казалось единственным решением всех проблем, но осознание того, что от такой грязи мне никогда не отмыться, не проходило.

С тех пор прошло ровно четыре года. Я почти забыл о жизни в Амстердаме.

Моя депрессия после того позора стала плодородной почвой для новых родительских ссор. Они и без этого кричали друг на друга почти каждый вечер. Порой у меня складывалось впечатление, что мама с папой делают это специально, пытаясь найти какой-нибудь предлог для развода.

И этим живым предлогом стал именно я: мое поведение, мужское воспитание, которое в меня не заложил постоянно работающий отец Джимбо, отсутствие характера и прочие минусы.

Папа приходил после работы уставшим, а на кухне, помимо холодного ужина, ждала раздраженная мама, готовая обложить его матом с ног до головы из-за того, что тот заявился слишком поздно. Я видел в его потухших глазах проблески сожаления о том, что он позволил надеть на себя это ярмо. Он был заложником семейных уз, и однажды я дал себе обещание, что никогда не подпишусь на такие страдания.

Воскресни за 40 дней

Инициатором большинства склок становилась моя мама, Христа. «Женщина на иголках». Порой она и на мне срывалась. Раздувала из мелочи проблему галактического масштаба. Должен признаться, иногда я специально не поднимал трубку, когда она звонила. Делал все, лишь бы не слышать ее истеричный голос.

Родители все же добились развода. Счастливый отец остался в Амстердаме в просторном доме. Без хлопот, каких-то сосунков вроде меня и истеричек типа мамы. Мы же с ней переехали в Фризенвейн — маленький уютный городок в Нидерландах.

Люди тут, стоит отметить, очень приветливые и добрые. Атмосфера в городке помогла мне раскрыться: я взялся за учебу, читал книги запоем, засыпал с ними, подолгу не ел, в очередной раз выучивая формулы. Делал все, лишь бы оправдать надежды мамы. Но она не обращала внимания. В старой школе меня считали умственно отсталым, но за четыре года усердных занятий я вышел на уровень, превосходивший все ожидания моих нынешних учителей. Они пророчили мне большое будущее, а я все не видел маминой улыбки. Она была единственным человеком, в чьей поддержке я нуждался.

В новой школе я впервые заметил обращенные ко мне лица сверстников, полные дружелюбия. Общение с одноклассниками не пробуждало во мне букета комплексов. Впервые внимание на меня обратили девушки. Особо востребованным я стал ближе к семнадцати годам. Бывшие одноклассники уже никогда не смогли бы узнать во мне того забитого трусливого простачка. Перед ними

Медина Мирай

возник бы образ по-прежнему стеснительного, высокого стройного парня с густыми взъерошенными каштановыми волосами и все теми же синими глазами.

Все чаще и чаще я слышал, как девушки шепотом обсуждали меня за спиной. Такое внимание с их стороны вводило в ступор.

Безусловно, очень приятно нравиться кому-то, чувствовать, что ты нужен, знать, что кто-то думает о тебе днями и ночами, но... я гей. И об этом не знал никто. Тяжело видеть расстроенные взгляды девчонок, которым ты только что беспричинно отказал. Они уходили, оставляя меня гадать: о чем они думают, сильно ли страдают и что будут делать теперь.

Однажды я увидел записку у себя на парте.

«Жду тебя сегодня на крыше после занятий».

Мне впервые приходилось получать подобное послание, но горький привкус предстоящего разговора был хорошо знаком. Складывая записку пополам и быстро пряча ее в карман джинсов подальше от любопытных одноклассников, я уже знал, что меня ждет.

Возле перил, ограждающих крышу, стояла невысокая стройная девушка. На ветру развевались ее каштановые волосы, трепетала юбка до колен, а черные колготки обтягивали тонкие ноги. Пусть я и не разглядел черт ее лица из-за плохого зрения, но откуда-то точно знал — она улыбается.

— Ты догадываешься, зачем я позвала тебя сюда? — спросила она нежным голосом.

— Да.

Воскресни за 40 дней

— Я красивая?

В ее вопросе явно слышалось желание услышать «да». И оно исполнилось.

— Да.

Она подбежала к перилам и повернулась к ним спиной.

— Скажи, Даан, что ты обо мне думаешь? Ты ведь наверняка никогда не видел меня в школе, поэтому я хочу услышать твое первое впечатление.

— Ты кажешься очень милой... — И это было правдой, пусть я и не мог рассмотреть ее в лучах закатного солнца. — Скромной, воспитанной...

— Тебе нравятся такие, как я?

Повисла пауза ровно в три секунды, за которые родилась короткая ложь:

— Да.

Она впиалась в перила пальцами. Мною завладело острое желание развернуться и уйти, лишь бы не чувствовать на себе ее пристальный взгляд. Девушка будто сканировала меня глазами с ног до головы. Они все так делали. Как же я ненавижу такие моменты! Складывалось впечатление, что сам себе не принадлежишь и все твои мысли, сущность и желания выставляются напоказ.

— А ты бы стал встречаться с такой, как я?

Мне стоило усилий сохранить выражение приветливости на лице. Но это было ошибкой. Я привык к тому, что хотя бы четко вижу тех, кто мне признается и выражает желание встречаться. Отказывать им было куда легче. Нужно просто показать свою задумчивость, опустить печальный взгляд и помолчать секунд десять,

Медина Мирай

а потом ответить отрицательно. Но в этот раз все было не как обычно. Все же я смог разомкнуть губы и ответить.

— Нет, — слетело с моих уст.

Она повернулась лицом к перилам и, как умелая воровка, пролезла между прутьями.

— Стой! — Слова летели впустую.

Я никогда не мог точно передать голосом эмоции. В сердце втыкались иглы, а слова звучали равнодушно.

Девушка запустила руку в карман. Вытащила оттуда, кажется, телефон. Несколько секунд он был в ее руках, а потом она медленно вернула его обратно.

Ее руки обхватили перила. Пятками она уперлась в край крыши и запрокинула голову назад.

Она молчала. Глотала воздух, а я стоял, не смея шевельнуться, боясь даже лишний раз громко вздохнуть.

Она резко наклонила голову вперед. Волосы упали на лицо, ломая образ прилежной ученицы.

— Ты был моей последней надеждой...

И скрылась за перилами. Слова растворились в шуме листьев.

Я бросился вперед.

Она выглядела как сломанная кукла. У нее были прикрыты глаза, точно у спящей; вокруг головы растекалась лужа крови, а на лице виднелась едва заметная улыбка.

Меня душили слезы. Я хотел прыгнуть вслед за ней, лишь бы избавиться от чувства вины.

Еще никогда за восемнадцать лет я не думал, что могу поломать чью-то жизнь. Вот так легко, просто сказав слово «нет».

Воскресни за 40 дней

Казалось, что вся эта история с крышей, запиской и разговором на расстоянии — ее план по завладению моим сердцем, ведь еще никто до нее не делал мне таких признаний. А люди обычно запоминают тех, кто сделал что-то не как все.

Быть может, даже ее смерть в случае отказа была частью плана, и прямо тогда, когда я смотрел на ее сломанное тело, она все еще ждала, что я отвечу ей «да».

«Если я скажу тебе эту ложь, вернешься ли ты назад?»

Элана. Элана. Элана. Имя несчастной доносилось из-за каждого угла школьного коридора.

С тех пор я просыпался и засыпал с мыслью, что погубил человека. Ее последние слова эхом проносились в ушах. Она являлась мне в кошмарах в крови и пыталась сбросить меня с крыши. Однажды, увидев подобный сон, я не мог заснуть до самого утра.

Ближе к пяти, когда солнце начало осыпать город розовыми лучами, мне захотелось выйти на улицу. Округа спала. Лишь изредка можно было услышать вдалеке шорох автомобильных шин.

Ноги сами привели меня на невысокий пригорок за городом, откуда я мог наблюдать за рассветом. Здесь царил тишина.

Я лег на холодную землю. Тело расслабилось, глаза закрывались сами собой. Где-то неподалеку пели птицы, встречая прохладное утро. Шелестела трава, щеко-тавшая мне уши и лицо. Все это постепенно заставило позабыть о проблемах и подумать о жизни. Я оглянулся вокруг. Заметил, насколько необъятен мир вокруг. На-

Медина Мирай

сколько прекрасен пейзаж, который в это утро видел лишь я. Мой восхищенный взгляд упал на ветхий домик у подножья пригорка. Любопытство взяло верх. Я направился туда.

Внутри меня ждал уют в стиле прошлого века. Но место было явно заброшено. Доски пронзительно скрипели, навевая страх. Ветхие двери могли слететь с петель от каждого движения. Света не было. На столе в коридорчике стояла ржавая лампа. Окна, прикрытые дырявыми занавесками, были в желтых пятнах. Но я нигде не заметил пыли.

Узкий проход привел меня в небольшую спальню. Кровать стояла напротив окна, и лучи пробудившего солнца не смогли бы потревожить меня. Я улегся в прохладную постель и, не успев натянуть на себя одеяло, провалился в сон. Его сюжет стерся из памяти, но впервые за долгое время сон оставил в душе приятный осадок.

Но не это удивило меня, когда я проснулся, а то, что кто-то укрыл меня теплым одеялом.

